

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. IX. Спб. 1910.

Редактируемое неутомимымъ С. А. Венгеровымъ классическое изданіе сочиненій Бѣлинскаго, первое и единственное по своей полнотѣ, уже близится къ благополучному окончанію. Въ IX томъ вошла 91 статья изъ „Отечеств. Записокъ“ 1844 и 1845 г.г., при чемъ 33 внесены въ собраніе произведеній Бѣлинскаго впервые, а 31 напечатаны въ дополненномъ видѣ, съ восполненіемъ пробѣловъ, которыхъ безжалостно много надѣлалъ редакторъ прежняго изданія Н. Х. Кетчеръ (пропускавшій, напримѣръ, такія мѣста, какъ имѣющее біографическое значеніе предисловіе къ статьѣ о Кантемирѣ). Особенно замѣчательными и интересными новинками венгеровскаго изданія нужно считать двѣ статьи: „Петербургская литература“ и „Александринскій театръ“; онѣ не указаны въ галаховскихъ спискахъ, которыми пользовался С. А. Венгеровъ, и впервые узнаны имъ. Впрочемъ, не нужно быть такимъ превосходнымъ знатокомъ Бѣлинскаго, чтобы узнать сразу руку „неистоваго Виссаріона“ въ этихъ пламенныхъ строкахъ: „Театръ! театр! какимъ магическимъ словомъ былъ ты для меня во время оно! Какимъ невыразимымъ очарованіемъ потрясалъ ты тогда всѣ струны души моей, и какіе дивные аккорды срывалъ ты съ нихъ!.. Въ тебѣ я видѣлъ весь міръ, всю вселенную, со всѣмъ ихъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, со всею ихъ заманчивою таинственностію! Что передъ тобою былъ для меня и вѣчно-голубой куполъ неба, съ его свѣтлозарнымъ солнцемъ, блѣдноликою луною и мириадами томно-блестящихъ звѣздъ,—и угрюмо-безмолвные лѣса, и зеленыя рощи, и веселыя поля, и даже само море, съ его тяжело-дышащею грудью, съ его немолчнымъ говоромъ валовъ и грустнымъ ропотомъ волнъ, разбивающихся о неприступный берегъ? Твой, о театр! тропичная облака, масляное солнце, луна и звѣзды, твой холстинный деревья, твой деревянный моря и рѣки, больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томящейся ожиданіемъ чудесъ душѣ моей!..“ Въ обѣихъ этихъ статьяхъ Бѣлинскій проводитъ не разъ занимавшую его параллель между Москвою и Петербургомъ.

Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемые подъ редакціею А. И. Успенскаго. Т. VI. М. 1910.

Содержаніе настоящаго тома—статья А. И. Успенскаго „Фрески церкви Спаса Нередицы“, начало изслѣдованія В. И. Чернопята „Дворянское сословіе Тульской губерніи“ и составленный Т. С. Рождественскимъ сборникъ „Памятники старообрядческой поэзіи“. А. И. Успенскій даетъ детальное, съ множествомъ снимковъ, описаніе знаменитыхъ фресокъ XII вѣка, украшающихъ церковь Спаса Преображенія Нередицы близъ Новгорода. В. И. Чернопятовъ, продолжая труды М. Т. Яблочкова по исторіи тульскаго дворянства, составилъ „Матеріалы къ родословнымъ тульскаго дворянскаго сословія“, списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ съ 1778 года. Что касается до сборника Т. С. Рождественскаго, то появленіе его тѣмъ болѣе слѣдуетъ приветствовать, что, какъ справедливо говоритъ составитель, „лира старообрядчества постепенно смолкаетъ. Падаютъ подъ ударами дровосѣка вѣковые лѣса, непроницаемой стѣной защищавшіе отъ вѣшнихъ вліяній скиты и поселки старообрядцевъ; высыхаютъ и распахиваются болота, по которымъ „Божьими стезями“ пробирались когда-то чернецы и черницы, ища спасенія отъ суетнаго міра. Исчезли съ лица земли или присоединены къ православію многіе старообрядческіе монастыри, измѣнился въ значительной степени и весь укладъ жизни старообрядческаго міра. Многоразличныя историческія и бытовыя условія сглаживаютъ постепенно ту рознь, которая служила причиною отдѣленія старообрядчества отъ православной массы русскаго народа; слабѣетъ фанатизмъ взаимныхъ отношеній, и цѣлый рядъ мыслей и настроеній, съ особой остротой переживавшихся въ минувшемъ, становится теперь предметомъ болѣе спокойнаго размышленія и не даетъ уже того подъема поэтической мысли, плодомъ котораго являлся старообрядческій стихъ“. Собравъ съ большимъ трудомъ разбросанные въ разныхъ изданіяхъ старообрядческіе стихи и присоединивъ къ нимъ заимствованные изъ принадлежащихъ московскому археологическому институту рукописей, составитель раздѣлилъ ихъ по содержанію на эсхатологическіе, историческіе, сатирические и моральные. Едва ли можно отнести къ старообрядческой поэзіи „Стихъ узника-невольника“; если его и можно слышать въ старообрядческой средѣ, то во всякомъ случаѣ онъ для нея не характеренъ, не отличается ни религіознымъ, ни поучительнымъ тономъ. Общій духъ старообрядческой поэзіи составитель вѣрно опредѣляетъ: „глубокая искренность старообрядческаго міра, вылившаяся съ такою яркостью въ его поэтическихъ произведеніяхъ— томъ зеркаль души народнои, готовность идти на муки и смерть за тѣ принципы, какіе онъ смѣло выставилъ на своемъ знамени, и стойкость до послѣдняго времени въ сохраненіи, какъ святыни, своихъ идеаловъ, не можетъ не внушать къ нему уваженія. Пройдутъ года; падутъ, надѣмся, подѣ вліяніемъ науки, здороваго развитія мысли, перегородки, отдѣляющія старообрядчество отъ остальной массы русскаго народа, но можно искренно высказать пожеланіе, чтобы не ослабѣли въ немъ тѣ силы русскаго духа, какія нашли себѣ выраженіе въ его поэзіи и жизни“.

Н. Л.

Любовная лирика XVIII вѣка. К-во Пантеонъ. Спб. 1910. Съ біо-библиографическими примѣчаніями Анны Веселовской, статьей барона Н. Врангеля „Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка“ и приложеніемъ текста и нотъ пѣсенъ XVIII в.

Думая о младенческихъ лѣтахъ изящной русскаго искусства, мы всего чаще вспоминаемъ „торжественныя годы“ крѣпке тѣ интимныя поэтическаго міра, которая выражались въ любовныхъ пѣсенкахъ, разныхъ „вздорахъ“, „вздохахъ“, „разсужде-